Ветер над островами

Автор:
Андрей Круз

Ветер над островами

Андрей Круз

Ветер над островами #1

Конец пути в этом мире… Не начало ли это всего лишь нового пути? Сумеешь ли ты познать законы мира, в который ты попал? Получится ли там найти друзей, встретить любовь, понять самого себя? Как изменишься ты сам? Что станет для тебя важным, а что покажется ненужной суетой? Хватит ли духу и смелости начать новую жизнь с чистого листа?

Андрей Круз

ВЕТЕР НАД ОСТРОВАМИ

* * *

Ну и кто же знал, что их сюда принесет? Честно скажу, как на духу: не ожидал, просто никак не ожидал от них такой решительности. «Мы в суд подадим, у нас концов много» – это их стиль. С ментовским генералом прийти – их стиль. Проверку организовать – тоже их стиль. С «маски-шоу» налететь и всех мордами в пол положить – и так для них сгодится. А «людей прислать» – не их. Это мой стиль с недавних пор, будь они прокляты, поры эти.

Ладно, переживем. И не такое переживали, и это переживем. На дачу, подальше от Москвы, а там видно будет. Мы не всегда на «армадах» ездили, были у нас и «жигули», а был до «жигулей» и пятачок на метро. Все было. Мы из грязи в князи, но и обратно нам не в падлу. Ничего, поплавали уже – и еще поплаваем. Как там у моряков говорится? «Попали в дерьмо – давайте в нем плавать». А что делать! Ничего, рыбку половлю, на озеро Селигер полюбуюсь. Там зацепок никаких, ищи меня до морковкина заговенья. Домишко-то оформлен на бомжа, какой уже давно волей Божьей помер, оставив свой паспорт будущим поколениям – мне то есть, – и в нем давно мой портрет с галстуком, и этот самый портрет – Коновалов Петр Сергеевич – владеет этим самым домиком. Не я, не я… Я тут не при делах.

Все, валим из квартиры, валим, не хрен сопли жевать. «Макара» на пояс, «помпу» в чехле за спину, к рюкзаку. Ноги, ноги отсюда, пока не поздно. Сосед. Здравствуй, соседушко, будь здоров, не поминай лихом. Да-да, на охоту. Именно. В Карелию. Почему в Карелию? А из кино пришла Карелия, про особенности этой самой национальной охоты. Они там, в Карелии, водку пили, вот и пришло в голову. А вообще – сезон сейчас для охоты или как? А пес его ведает, не знаю я. Все, сосед, бывай, привет жене, заодно скажи, чтобы не скучала, когда ты на работе. Да-да, ты старый и пузатый, у тебя просто денег много, а она в Москву приехала аж из Семипалатинска – карьеру модели делать. Скучно ей дома сидеть одной. М-да.

Ладно, что было, то и было, не до нее сейчас, овцы тупой, разве что ноги длинные да задница на загляденье. Мне сейчас не до кого – мне бы башку свою довезти до дачи, притом так, чтобы она на прежнем месте сидела. На плечах то есть.

У машины никого. Это хорошо, что никого, у меня сейчас нервы как струны, тронь – зазвенят. Плохое сделать могу, у меня пистоль в руке под курткой, я уже на все готов. Но никого вокруг, никого… Сигналка пиликнула, большая серебристая туша «армады» приветливо подмигнула подфарниками. Рюкзак в багажник, сам за руль. Жарко. Это от паники. Куртку долой – назад ее, на сиденье. Ствол в подлокотник, выходить буду – за пояс засуну. Кобуру бы надо, но как-то не обзавелся.

Заправиться нужно будет, скоро лампочка замигает. Но это ладно, это я уже за Кольцом, на Новой Риге. Из города валить надо. Подвязок у них много, понимаешь. Могут и гаишникам дать знать. Не повезло мне, не повезло. Так все

хорошо начиналось…

Ладно, мотор, как в кино, не заглох – потащил энергично этого бегемота японско-американского, как подобает. Слева на улице пусто, рано еще, справа тоже вроде… Машина припаркована, «приора» серая, в ней двое. Не нравятся – я лучше налево и дальше объеду по…

А затем – яркий свет. И больше ничего.

* * *

Зараза. Больно-то как. И в глазах круги, словно в прожектор смотрел. Вроде и открыты, и чувствую, что не ослеп, но не вижу при этом ни хрена. А что чувствую еще? Руки… руки вот чувствую. И под ними грязь, что ли? И вообще – чего это я на брюхе валяюсь? Кстати, я же в машине ехал, и по асфальту, откуда тогда грязь и пешком?

Попытался подняться на локтях – и опять упал, больно ударившись скулой… Обо что? Дорога. Грунтовка. Вру: какая же это дорога? Колея это обычная, да и та не слишком наезженная. А что это лежит?

Вновь оперся на руки, поднялся на четвереньки. Боль в голове перекатилась шипастым чугунным шаром, стукаясь изнутри о стенки черепа, в глазах круги побежали быстрее, но картинка начала проясняться. Кстати, сотрясение точно есть. Если к этому подходит термин «кстати». Кому кстати, а кому так и не очень.

Черт, штормит-то меня как. И где это я? Песок мокрый, с грязью, трава вокруг. В Москве? Почему в Москве? Потому что я в Москве был. А теперь я где? А теперь – я без понятия…

Удалось сесть, пусть и прямо в грязь, но все же вертикально. Слой тумана с роящимися в нем искрами перед глазами развеялся понемногу, и в мозг пошел поток визуальной информации. Приложил руку к голове, поднес затем ладонь к самым глазам. Кровь. Башку расшиб, причем совсем неслабо. Как это я? Свет только помню, яркий-яркий. При чем тут башка?

Зрение продолжало постепенно фокусироваться, и я наконец осмотрелся. Проселок через лес, а тут еще и по дну неглубокого оврага. На склонах трава и песок, зелень сочная, какую только в Таиланде видел, густо-зеленая, даже ненатуральная. На дороге мусор, тряпки какие-то, мешки выпотрошенные… Стоп, а это не только мешки. А вот это что? Известно что…

Прямо передо мной, метрах в пяти, лежал труп мужчины, раздетого до нижнего белья. Усатый, бородатый, темноволосый. Голова раскроена почти пополам, лицо съехало с черепа и буквально стекло на дорогу мягкой и мерзкой маской. Над ним мухи, целый рой, гудят как вентиляторы. Я думал, что это в башке у меня гул, а это вовсе мухи. Это хорошо или плохо?

Не понял я ничего, если честно. У меня в ладонях до сих пор ощущение руля осталось, я же в Москве был, в своей машине… Не лежал на грязной колее среди каких-то джунглей, это я очень хорошо помню. Ехал я – на дачу, на озеро Селигер, что в Тверской губернии, от проблем подальше… Ага, уехал.

Или я с ума сошел? Умер? И теперь на том свете? А этот, которому башку развалили пополам, – он теперь на каком? Что-то не сходится. Кстати, как-то эмоций мало… Должен был кондрашка с перепугу хватить, надо в истерику впасть, кричать в небо психанутым Станиславским: «Не верю! Не верю!!!» – а я тут вроде как кино перед собой прокручиваю и над ним размышляю. Почему так? Потому что пока и в самом деле не верю.

Это что? Еще труп. Тоже мужик, и тоже раздетый. Лошадь дохлая. Еще труп. И еще. Еще лошадь. Дальше еще два мужика. Все бородатые, все не от инфаркта умерли – их словно топорами рубили, пластовали как туши в мясницком цеху. Кто их так?

На всех трупах птицы. Вороны или кто там? Не пойму. Орут странно, толкаются боками, сгоняют друг друга с падали. Воняет падаль-то, дух стоит такой, что вывернет сейчас.

Дальше – телега перевернутая. Даже не телега, а фургон, судя по рваному брезентовому тенту и погнутым железным дугам. В оглоблях, перекрученных и ломаных, убитая лошадь запуталась. У фургона всякого барахла навалено – вроде мешков выпотрошенных, причем так, словно их собаки рвали… Склоны оврага все в следах… Это даже мой сотрясенный мозг усваивает – и выдает

вывод: по ним бежали вниз те, кто всех тут порубал. Почему порубал, а не пострелял? Мы вот стреляли в свое время. И по нам стреляли в ответ. Горы, стрельба, «зеленка». Тут «зеленка» сплошная, кстати, той, из воспоминаний, сто очков форы даст.

А это что за звук? Рычит вроде как кто-то? И клацанье какое-то, вроде как собаки кости грызут. Я обернулся наконец… и остолбенел.

– Ага… свои в овраге лошадь доедают… – чувствуя, как спина холодеет от страха, пробормотал я старую дурацкую присказку.

Это волки? Я думал, они меньше бывают… Эти же… Они же… с кого будут? Или не волки? Гиены? Здоровенные такие?

На обочине дороги, вытянув ноги и шею, лежал труп гнедой лошади. Только сильно – не весь, но здорово – объеденный. Белые ребра частично были еще на месте, а частично валялись вокруг. Мяса на туше почти не оставалось, а то, что еще можно было обгрызть, как раз и грызли крупные твари весьма мерзкого вида. Нет, это не волки…

Тварь, что подняла измазанную кровью морду на длинной и толстой шее, вытащив ее прямо из брюха мертвой лошади, была чуть ли не с меня ростом. Могучая грудь, широкие лапы, рыжий с бурыми пятнами окрас… Сквозь сгустки крови, прилипшие к морде, сверкали клыки длиной в мой мизинец, не меньше. Черные блестящие глаза, из которых текли крупные слезы, чертя мутные дорожки по покрытой кровью щетине, пристально уставились на меня, словно оценивая на жирность. Следом за этой тварью начали поднимать головы остальные, пять или шесть.

– Ты это, хавай давай, не отвлекайся, – пробормотал я, отступая задом и изо всех сил стараясь не заорать и не броситься наутек. – Лошадка вам вкусная досталась, я с ней ни в какое сравнение… И вон еще их сколько – неделю жрать можно от пуза….

Чтоделать– чтоделать –чтоделать? Даже ствол в машине остался, а машина… Где осталась машина? Не знаю я, где машина, машина там, где она есть, а я – тут, с гиенами этими, которые на меня уставились всей стаей своими слезящимися глазами. Не кидаются, но и к еде не возвращаются.

Пятясь, я споткнулся о труп мужика с раскроенным черепом и упал на задницу, спугнув двух обожравшихся ворон, которые с протестующими криками отскочили в сторону, отвлекшись от выклевывания глазниц мертвеца. И сразу же одна из гиен, самая мелкая, с тремя продольными, недавно зажившими бороздами на морде, сделала несколько быстрых коротких прыжков в мою сторону, и в тот момент, когда я собрался заорать, вновь замерла, продолжая фиксировать меня взглядом. Остальные стояли неподвижно, эдакими уродливыми статуями, как, блин, с картинки про преисподнюю.

Не отрывая от них взгляда, я поднялся на ноги и попятился дальше, продолжая увеличивать дистанцию между нами. У них жратвы много, до смерти утрескаться можно – зачем им я? Я им не нужен, за мной еще побегать придется, а падаль им прямо на стол подали, сервировали, можно сказать. Если только они дичинку падали не предпочитают… Но это же точно гиены: они ведь падальщики… Или не гиены? Не бывает таких больших гиен, это я точно знаю, я с детства зоопарки любил и книжки про животных. И фильмы. И передачи. И ведущего Дроздова. И кого хочешь – кого там надо еще полюбить, чтобы меня сейчас тут не сожрали?

Я отходил все дальше и дальше, не отрывая взгляда от стаи тварей, старясь больше ни обо что не спотыкаться, не падать, не отрывать от них взгляда и не показывать паники. Не знаю как, но я понял сразу: побеги я – и вся стая кинется за мной. А шансов отбиться от них у меня около нуля или чуть меньше. Ружье, ружье в машине было… Где моя машина, а? Ну куда она, мать ее в душу и крест в гробину, делась? Ружье, «макар» с коробкой патронов… Я ведь всем этим пользоваться умею, могу других поучить. Ну где оно все, когда его так не хватает?

Гиена, отделившаяся от стаи, вновь сделала несколько шагов вперед, а следом за ней еще одна. Нет, не нравится им, что я удаляюсь. Что делать? Ну что мне делать? «Надо бы на склон подняться, там деревья есть!» – стробоскопом запульсировала мысль в черепной коробке. Точно, на дерево надо. Не полезут они на дерево: не умеют. Не должны уметь. Откуда им уметь? Это я умею, я от обезьяны произошел, а они – нет. Они от какой-то сволочи произошли.

Чуть-чуть ускорившись, я завернул за перевернутый фургон, оставив между собой и стаей хищников хоть какое-то препятствие. Склон. Вот он, рукой подать. Трава мокрая, и земля скользкая. Почему так? А ведь душно, жуть как душно –

как в бане, хоть у меня и мороз по коже от ожидания того, что меня сейчас, как ту лошадку… что в овраге… Мы тут все в овраге, кстати, а мне из него выбираться надо. А не выберусь – хана, Спинозой быть не нужно, чтобы до такой простой мысли дойти.

Мозг сам отметил, что в фургоне еще два раздетых трупа, даже без белья, и тоже порубанных на куски, кровью все забрызгано. Ну зачем им я, а? Вон им еды-то сколько…

Двумя прыжками разогнавшись, заскочил метра на три по склону, затем подошвы ботинок поехали назад. Я судорожно вцепился рукой в какой-то хлипкий с виду кустик, и он, к моему удивлению, не вырвался с корнем, а удержал меня. Только одарил целой кучей колючек, вонзившихся в ладонь, так что я выматерился во весь голос. Но не отпустил его, напрягся – и преодолел еще пару метров. Оглянулся.

Гиена, что пошла в мою сторону, бежала следом, неуклюжими медленными прыжками, явно не торопясь. Ее раздутое от жратвы брюхо, свисавшее чуть не до колен, разгоняться не пускало. А затем, когда тварь преодолела половину расстояния между стаей и мной, следом за ней, чуть быстрее и как-то агрессивней, рванула вторая – та самая, что первой уставилась на меня. Самая большая.

Это послужило сигналом для всей стаи, которая, сбившись в тесную кучу, ломанулась за ней следом. А я изо всех сил, вцепляясь руками в острую, как осока, траву и буксуя на скользкой глине, рванул вверх по склону, в сторону спасительных деревьев. Если только гиены по склонам сами карабкаться не умеют.

Первой добежала до меня самая большая, пыхтя и глухо рыча, роняя вожжи тягучей грязной слюны. Прыгнула с ходу, но скатилась обратно – огромные зубы щелкнули уже в метре от моих ботинок. Затем прыгнула вторая, третья, но тоже бесполезно.

– Хрен вам в зубы! – просипел я в ответ, продолжая карабкаться вверх и молясь лишь об одном – не соскользнуть обратно. Тогда я и минуты не проживу: в клочья разорвут. Там каждая зверюга больше меня.

Едрить, как же скользко! Если бы не жесткая трава, беспощадно режущая своими бритвенно-острыми лезвиями ладони, я бы уже полетел вниз и надо мной сомкнулись бы мохнатые грязно-бурые спины гиен. Только трава эта самая меня и держит.

– Эй! – раздался откуда-то сверху крик – то ли женский, то ли детский. – До здесь! До здесь беги!

Краем глаза я разглядел какую-то серую фигуру на краю оврага, у самых кустов. Разглядели ее и гиены – самая большая из них завыла плачуще и вдруг понеслась огромными прыжками вдоль по оврагу, а следом за ней поскакала вся стая. Ушли?

– До здесь! – повторил голос. – До здесь скоро, нет время!

Еще рывок, изо всех сил, так, что мышцы скрутило напряжением, еще один – и вот верхний край оврага, и маленькая исцарапанная ладонь протянулась ко мне навстречу. Девчонка. Лет четырнадцать, одета чудно, не понял даже во что, на голове шляпа, в руке револьвер. Дальше оглядывать ее она мне не дала – крикнула прямо в лицо:

– Бегим! Гиены здесь за минута будут! – и потащила меня за собой, обалдевшего, махнув рукой куда-то в заросли: – Там пещера! Дудка дам!

– Какая, в пень, дудка? – почему-то обалдев от последней фразы, уже на бегу спросил я, но девчонка не ответила.

Она ловко скользнула между кустами, прикрыв локтями лицо, чтобы ветки не хлестнули, меня обдало каплями росы с ног до головы. Сразу за кустами я чуть не подвернул лодыжку – из травы тут и там торчали камни, причем густо так торчали. А за полосой зарослей, как выяснилось, сразу же начинались скалы – вполне такие нормальные, большие и каменные, заросшие лианами и прочей ползучей зеленью.

– Здесь! – крикнула девчонка, не оборачиваясь и ловко перепрыгивая камни. – Здесь беги!

Я поднажал, стараясь при этом не подвернуть ногу, и следом за ней влетел в расселину между двумя большими серыми камнями, за которой оказался вход в пещеру. Едва заскочив в нее, девчонка показала рукой куда-то в сторону, в темноту, крикнув:

– Закрой ход!

Я присмотрелся, часто моргая, но ничего не разглядел: там в углу, после яркого солнца снаружи, как чернил налили. Тогда, оттолкнув меня, она нагнулась, схватила что-то руками и с хрустом потащила по каменному полу. Когда свет от входа попал на ее ношу, я увидел, что она волочет большой куст с колючками вроде того, в который я вцепился на входе, но посерьезней – такой бы мне ладонь насквозь проткнул.

Девчонка, уколовшись, чертыхнулась как-то странно, как и говорила, но куст прочно встал в проходе, загораживая его. Затем обернулась ко мне и крикнула с заметной ноткой паники в голосе:

– Стрелять учен?

Хоть прозвучало странно, но смысл понятен без перевода. Неужто есть из чего? Хотя револьвер у нее…

– Учен, – в тон вопросу ответил я. – Хорошо учен.

Она как-то прищурилась странно, словно не до конца поняла, что я ей сказал, а затем вцепилась в рукав свитера и потащила меня дальше, в темноту, в глубину пещеры. Впрочем, темнота закончилась сразу за первым поворотом – дальше горела маленькая масляная, или вроде того, лампадка. И ее тусклый свет освещал сваленные в углу пещеры мешки и чье-то тело, накрытое с головой плащом, как покойников укрывать принято.

– Там бери! – крикнула она, указав на стоящее в углу ружье.

Я одним прыжком очутился возле оружия, схватил его, поднес ближе к свету. Опа… а я такое только в кино видел, про индейцев которое. Бронзовые бока ствольной коробки, такой же рычаг. Ствол восьмиугольного сечения с латунной

фигурной мушкой, под ним стальная трубка длинного магазина. Дерево лакированное, цветом в глубокую красноту, на прикладе бронзовое клеймо – и такое же выдавлено на латунной крышке ствольной коробки, у зарядного окошка.

– Знаешь дудка? – спросила она вдруг.

– Дудка? – переспросил я, вздохнув глубоко, и передернул рычаг. – Дудка знаю. Я все дудка знаю, мать их ети.

Из окошка выбрасывателя вылетел толстый желтый патрон с массивной пулей, обернутой с боков в тонкую латунь, с вогнутой головой. Я подобрал его, посмотрел внимательно. А неслабо, миллиметров одиннадцать-двенадцать, наверное, никак не меньше. И гильза длинная, уважение вызывает. Револьверного типа патрон, с закраиной, вроде сорок четвертого «магнума», но если таким бабахнуть, то мало не покажется. Там внутри дымарь, интересно?

Покрутил в пальцах, затем втолкнул его в зарядное окошко с правой стороны латунной ствольной коробки, где он и исчез, зажатый защелкой. Быстро пробежал взглядом по оружию… Курок? Похоже. Сначала отпустил его, немного прижав спуск, потом оттянул слегка назад, до щелчка. Полувзвод? Ага, а вот так опять взведен, а тут пимпочка справа бронзовая… предохранитель. Ага, разобрались с этим, не лопухнемся. Вон как девчонка смотрит настороженно. Ладно, в таких делах мы не лохи, пусть не думает.

– Сколько патронов там? – спросил я у девчонки.

– Восемь, – ответила она. – По?лно. Здесь боле есть.

И точно, рядом с «винчестером», каким, несомненно, являлась винтовка, лежали на каменном полу пещеры кожаные наплечные ремни с подсумками и длинным рядом латунных гильз в патронташе через плечо, не меньше двух десятков. Я подхватил ремни с пола, накинул на шею, услышав, как брякнули патроны внутри сумок. Значит, там еще есть. Живем! Теперь точно живем!

– Быстро надо! – крикнула девчонка. – Слышишь? Зажрут мы.

Действительно, от входа в пещеру доносился уже гиений лай, мерзкий и визгливый. Что-то задумался я не по делу. Хотя… странно было бы не задуматься. Кому как, а я минут десять назад из московской квартиры вышел, к машине. А не к гиенам-переросткам. Странно вообще, что я еще о чем-то думаю, а не в глубоком обмороке лежу. А может, я с ума сошел и у меня бред такой? А почему нет? Сейчас мне чего-нибудь доктора вколют, и гиены развеются, как сон, вместе с девчонкой и пещерой.

– Скоро, скоро! – уже с отчаянием в голосе крикнула моя спутница.

Ладно, когда вколют, тогда и вколют, а пока отбиваться надо. Наверное. Выглянул из-за поворота пещеры и столкнулся глазами с уже знакомой гиеной – той самой, с большими свежими шрамами на морде, которая, аккуратно ухватив зубами, оттаскивала застрявший в проходе куст. За ней никого не было, но рычание и лай доносились явственно: видать, остальная стая за проходом скопилась, чтобы своей товарке не мешать.

– Я те потягаю щас кустики-то… – пробормотал я, вскидывая винтовку к плечу.

Как мне показалось, животина успела сообразить, что ей грозит, потому что мгновенно бросила куст и рванулась назад из узкого прохода. Целился я ей прямо в морду, из чистой мстительности за свой испуг, но попал в шею. «Винчестер» тяжко грохнул под каменным сводом, меня толкнуло в плечо прикладом, хоть и не слишком впечатляюще, а тяжелая плоская пуля угодила зверю в шею, вздувшись страшной кровавой раной. Я сразу же рванул рычаг вниз-вверх, вылетела гильза, патронник сочно проглотил следующий патрон, и в этот момент слева от меня дважды хлопнул револьвер, совсем жалко после моей артиллерии, глухо, как из-под подушки. Удерживала его девчонка двумя руками, вполне сноровисто, и попала тоже хорошо – две пули подряд угодили прямо в горбатую, покрытую грязными колтунами спину твари, залив шкуру кровью.

Вой снаружи одновременно усилился и отдалился.

– Уйдут? – спросил я девчонку, продолжая держать проход меж камней на прицеле.

– Можно, – кивнула она. – Однако и нет бывает. Нет, стой, дай ползти.

Она положила руку на ствол «винчестера», опустив его вниз, к полу.

– Почему?

– Стая зажрет, за мы забудет.

Я вновь поразился странности ее речи. Кто она? Балканы какие-то? Вроде немного по-болгарски звучит, или мне кажется? Вроде и свой язык, и не свой. И вообще она даже с виду странная, я таких не видел. Одеждой странная – в смысле не ходят так сейчас. Юбка до колена, с одной стороны длиннее, с другой короче, с запахом какая-то… кавалерийская, черт знает почему так решилось. Куртка узкая, из грубой ткани, шляпа на голове с черной ленточкой. Соломенная шляпа, как на старинных фотографиях, на канотье похожая. На ногах чулки плотные или колготки, не знаю, под подол не заглядывал, и ботинки высокие, со шнуровкой, на плоском каблуке. Странный наряд. И ткань непонятная, вроде… брезента тонкого или парусины, сам не пойму, крепкая ткань.

– Что смотрел? – спросила она меня.

– Да так… – покачал я головой. – Где я?

Действительно, при чем тут наряд? А все остальное это? Джунгли, скалы, гиены, балканский язык и старый «винчестер», который при этом новеньким выглядит, как с завода? Разбитый обоз, колея, где следы только от тележных колес и конских копыт – и ни одного автомобильного протектора? Так где я все же?

– А ты кто есть? – ответила она вопросом на вопрос.

А кто я? Кто? А я теперь и сам не знаю. Нет, знаю, но почему-то чувство такое, что скажи я ей «из Москвы» – она и будет так дальше смотреть, нахмурив брови и явно не понимая, о чем речь идет. А о чем она на самом деле идет, речь эта самая?

– Человек прохожий, – усмехнулся я своему собственному ответу. – Тебе не враг. В беду попал.

– За беда видно, – кивнула она. – Кровь на тебе. Голова.

– Знаю.

Она вновь удивленно посмотрела на меня, затем переспросила:

– Ведаешь?

– Ведаю, – опять подделавшись под собеседницу, ответил я.

Между тем продырявленная гиена поползла к выходу из прохода, медленно, явно подыхая, оставляя за собой кровавый след. Судя по отдаче, калибру и форме пули, достаться ей должно было сильно. Тут орудие серьезное, одним ударом и шоком от него убить может. Сколько пуля весит? Граммов пятнадцать или больше? Может, и больше.

Я выдернул патрон из «бандольеро», осмотрел уже внимательно. Для револьверного длинный, при этом калибр этак сорок четвертый или сорок пятый, не меньше, если на глазок, маркировка на донце непонятная – буква «Р», и все. Гильза в длину сантиметра три с чем-то прикидочно, при этом снаряжен патрон не дымарем: от стрельбы лишь легкое синеватое облачко в воздухе повисло. Так себе порох, если честно: если для бездымного – грязноватый, но и не дымарь. Да и по запаху их не спутаешь. А вообще патрон серьезный, кувалда прямо, только для дальней дистанции я бы такого пользовать не стал, предпочел бы винтовочный.

Застегнуть на себе надо подвесную эту… вон как она на совесть сделана. Старые портупеи напоминает, кстати, тоже кожа, только рыжая, на латунных колечках и пряжках. На плечах ремни широкие, дальше – у?же, сзади буквой «Y» расходятся на плечах. Подсумки тоже из толстой кожи, крепкой и надежной, с быстрыми клапанами, как на армейской пистолетной кобуре, на углы приклепаны уголки, как на старинных чемоданах, чтобы не протирались. На века сделано, солидно.

Снаружи донеслось рычание, причем не одной глотки, а вместе с ним – жалобный скулеж, перешедший в отчаянный визг и оборвавшийся. А затем разом, как взрыв бомбы, визг, лай, хрип, возня, хруст костей и треск раздираемой плоти. Прямо здесь, у прохода меж камней.

– Чуешь? – громким шепотом спросила девчонка. – Стая зажрала. Уйдут теперь, за мы ждать не будут.

– Хорошо бы, – кивнул я, втыкая патрон в окошко ресивера.

Впрочем, теперь, с винтовкой в руках и в укрытии, я чувствовал себя не в пример уверенней, чем на дороге – с пустыми руками да прямо перед стаей. Да еще среди кучи трупов. Трупов… девчонка-то откуда? Из колонны разбитой?

– На дороге… – сказал я, показав рукой в ту сторону и стараясь говорить медленно: – …Там ваши? Ты с ними была?

– С они, – вздохнула она. – Убили все, никто не остался.

– Кто убил?

Она пристально посмотрела на меня, как на слабоумного, затем сказала:

– Негры убили. Кто тут убить может? Засада была. Обоз с товар шел, негры ждали. У иных ружья были, остальные рубили.

– Тут что, Африка? – спросил я, услышав о неграх и вспомнив о гиенах.

– Что? – явно не поняла она меня. – За что ты?

– Ну где я сейчас? – растерянно огляделся я.

– Не ведаешь? – удивилась она. – А как ты здесь?

– Не помню, – соврал я, решив не блистать рассказами про «яркий свет в машине»: не прокатят они тут. – Издалека я, а как сюда попал – не помню.

– На голове ранен, – кивнула она уверенно. – Мозги помялись.

– Ну да, типа того, – обрадовался я, убедившись, что скользкую тему мы обошли.

А мозги у меня и вправду «помялись», даже погнулись. Здорово мне по голове приложило – болит, зараза.

– Бога веруешь? – вдруг строго спросила девчонка.

– Верую, – уверенно кивнул я, хоть сам в этом сомневался глубоко.

– И крест есть?

– Был, – опять очень уверенно ответил я, потому что крестильный мой, на шнурочке, дома лежал, в столе, в маленькой коробке. – Но не знаю, где теперь.

Тут тоже не вру. Мне бы знать, где я сам теперь, не то что крест.

– Потерял или краден, – все так же уверенно ответила девчонка, кивнув своей мысли, а затем добавила: – Одетый странно. Ботинки какие богатые, и шерсть хороша в свитере. Чудно, что не взяли.

– Чудно, – кивнул я. – Но мог и просто потерять – не помню я.

– Говоришь странно, – добавила девчонка.

– Себя бы послушала, – ответил я, а затем спросил: – А там, в пещере, накрытый кто?

Она как-то вздрогнула, словно вспомнив, затем лицо ее скривилось некрасиво, словно вот-вот заплачет. Но не заплакала – закусила губу, удержалась. Затем ответила:

– Отец там. Убили его.

Прозвучало глухо. Даже как-то равнодушно. Так бы и подумал, если бы ее лица не видел. Сильный ребенок, уважение вызывает.

– Его ружье? – спросил я, приподняв «винчестер».

– За его, – кивнула она. – Пусть тебе будет. За меня оно сильное и тяжелое, мне револьвер хватит.

Она показала мне свое оружие. Я присмотрелся, затем попросил в руки. Чиниться она не стала, протянула ствол мне. Покрутив его в руках, заключил, что даже гадать не надо, откуда ноги растут у конструкции: это классический британский «уэбли» с переломной рамой. Даже не «уэбли», а «энфилд». Тот же граненый ствол, выполненный с передней частью рамы заодно, только короткий – сантиметров восемь в длину.

Не спрашивая разрешения, открыл стопор, выкинул гильзы и патроны из барабана, присмотрелся. Калибр не меньше десяти миллиметров, это точно, но гильзы довольно короткие, под небольшую навеску пороха. Да это и по барабану видно: длинный патрон в него не влезет. С пробиваемостью слабо, а вот с останавливающими способностями все в порядке должно быть. Пуля-то вон какая, спереди с выемкой и тяжеленная.

Зато видно, что игрушка дорогая. Металл прекрасный, рукоятка, кстати, довольно современной формы, костью отделана, по металлу инкрустация. И надпись: «За Вера, моя дочь, на четырнадцать лет. Папа».

– Ты – Вера? – спросил я.

– Вера, – кивнула девчонка, протягивая руку за оружием. – А ты?

– Алексей, – ответил я, отдавая револьвер.

– За кого крещен? – уточнила она.

Ну ты скажи… Это здесь принципиально? А «здесь» – это где?

– Уже не помню, – отмазался я от неудобного вопроса и сам перехватил инициативу: – А где я все же?

– На Берег Змеи, сто километров от Нова Фактория, – ответила она, уже не удивляясь и попутно ловко вставляя в барабан два патрона. – За товар с обоз ходили, а на обратен путь напали.

Черт, что за язык у нее странный такой? Никогда подобного не слышал. А по акценту – самая что ни на есть русская, те же болгары с сербами по-другому звучат. Да и внешне – курносая, голубоглазая, скуластая, белокожая, две русые косички из-под шляпы. А она меня не всегда понимает, это заметно. Кстати, а что это за Берег Змеи такой? Берег скелетов слышал, Берег Слоновой Кости – тоже слышал, даже Берег Берцовой Кости в каком-то анекдоте встречал, а вот Змеи – ни разу. Все же Африка, если негры?

Рычание на улице понемногу затихало, но хруст костей доносился до нас явственно. Кстати, а не оборзели они там, жравши? А не стрельнуть ли мне еще одну-другую, а? Исключительно в порядке мести за испуг и изрезанные об осоку руки.

– Схожу, – сказал я, поднимаясь с колен. – Гиен прогоню.

– Не надо гонять, – покачала она головой. – Так зажрут и уйдут, а если ты еще гиена стрельнешь, то останутся. Пока не зажрут – уйти не смогут. Тут ждем.

Ну что, тоже логично. Мог бы и сам дотумкать до такой простенькой мысли. Дураком, наверное, в ее глазах выгляжу? Да уж наверняка, косяк за косяком леплю. Минут пять сидели молча, прислушиваясь к звукам снаружи. Затем девчонка вновь спросила:

– Откуда ты есть?

– С севера. Издалека, – ответил я, подразумевая, что Москва точно далеко на север от Африки, в которой мы сейчас наверняка.

– А как сюда пришел? – снова спросила Вера.

– Я не помню, – вздохнул я, опять не наврав ни на йоту. – Помню, как из дома выходил, а потом помню, как гиен на дороге увидел.

– Я к дороге ходила смотреть, увидела, как ты бежал, – сказала она. – За одна здесь страшно, увидела одежду, лицо – не негр, стала звать.

«За одна здесь страшно»… Я если бы даже захотел, точно так фразу построить не сумел.

– А ты сама откуда? – спросил я. – Издалека?

– От остров Большой Скат, город Бухта. Бывал? – уточнила она.

– Нет, не бывал, – покачал я головой. – Не довелось.

– Надо отец захоронить, когда гиены уйдут, – сказала девчонка. – Помогаешь?

– Помогаю, конечно, – кивнул я. – Ты меня спасла, так я в долгу. Да и не знаю я, куда потом идти, без тебя не справлюсь.

– Со мной иди, – легко предложила она. – Я теперь одна, ты один. От отец ружье осталось, еда, шляпа. Пойдем вдвоем до Нова Фактория, там меня шхуна ждет. Добре стреляешь?

– Стреляю добре, за это не бойся, – кивнул я и усмехнулся: – За охрану при тебе пойду, беречь буду.

Сказал я это вполне искренне, не зная даже сам, насколько я предугадал будущее.

– Это хорошо, – серьезно согласилась она. – В Нова Фактория скажу, что отец тебя мне в охрану нанял, а когда негры напали, они тебе мозги помяли и ты память потерял. Когда встал, все мертвые были.

– Где нанял? – уточнил я, чтобы потом впросак не попал.

– А что ты здесь знаешь? – спросила Вера.

– Ничего.

– Тогда на торг с неграми он тебя нанял. Из другой обоз, не из Нова Фактория. А теперь ты не помнишь. Дом помнишь, меня помнишь, а как из дома до этот край

дошел – не помнишь. Так?

– Так, – подтвердил я, а затем сам спросил: – Отец у вас в обозе главный был?

– Так, – кивнула Вера. – Он купец был, его был обоз и его товар. И шхуна, что в Нова Фактория ждет, тоже его.

– А мать? – спросил я.

– Мать умерла, – вздохнула девчонка. – Родами. Теперь дядя с тетка остались, за отцов брат. Он на Бухта сейчас есть. Дядя теперь за главный будет.

Опять воцарилось молчание, но от входа в пещеру мы не уходили – звуки, доносящиеся снаружи, к этому не располагали. Я взялся вновь рассматривать винтовку. Это только поначалу показалось, что она старая, стереотипы сработали. И не старая вовсе, а новая вполне, воронение на гранях ствола даже не потерлось. Затем открыл еще нечто интересное – на ней не было серийного номера. А у оружия, по крайней мере мне знакомого, так не бывает. А тут только клеймо из переплетенных букв «М» и «Р» на бронзовой бляшке, вдавленной в приклад. Ну и на стенке ресивера. На прикладе, если присмотреться внимательно, надпись выжжена, какую почти не видно из-под темного лака: «Мне отмщение и Аз воздам». Богохульство какое-то, а для девчонки существенно, в честь кого я крещен. Странно.

А вообще похоже, что винтовка – товар штучный, работы некоего мастера. Не фабричная, целиком, по крайней мере, хотя… качество очень на высоте. Очень. Да и револьвер у Веры тоже такой – инкрустация промышленной не бывает, и кость на рукоятке – все же не дерево и не пластик.

«Винчестер» без номера, Африка, причем место такое, о каком я вообще не слышал, девчонка со странным русским языком с острова Большой Скат, из города Бухта, о каких я не слышал тоже, а география мне всегда интересна была. И шхуны у нас если только туристов катают в экзотических местах, а не купцов. Тогда опять вопрос: где я? Нет, пока тут буду сидеть, ничего не узнаю, а девчонку дальше расспрашивать – только напугаю. Ну как я объясню ей, как здесь очутился, если сам не знаю, и даже не знаю, где я вообще? В каком мире?

– Дорога к Новой Фактории ведет? – спросил я.

– Тут одна дорога, от Нова Фактория до Торг, – пожала она плечами. – Так на ней и пойдем, только на негры не попасть.

Я кивнул, затем пересчитал патроны в бандольеро. Восемнадцать штук. Открыл подсумки на поясе – и нашел в них еще почти три десятка. Негусто, если на мой взгляд, только я привык в боекомплектах к «калашу» мерить, а как тут принято – черт его знает. Тут вся подвесная на шестьдесят патронов рассчитана, если внимательно посчитать.

Негры… Еще она сказала, что у некоторых ружья были. А трупы как – топорами рубили на дороге или мечами? Дикари? Наверное, дикари, кто же еще.

– А чем отец торговал? – спросил я.

– За сок от черна ягода ходил обоз, – ответила она, сделав все еще непонятней.

– А зачем он нужен? – спросил я, надеясь, что не сморозил полную глупость, и явно ошибся в ожиданиях: сморозил.

Вера посмотрела на меня с подозрением, затем вздохнула, вспомнив, наверное, что у меня «мозги помялись», и ответила:

– Краска для ткань с чего делается? И красная, и синяя. Большая торговля с этот сок, отец на три остров торговал и даже в Кузнецк возил.

Опа, знакомое что-то… Хоть и не Новокузнецк, но все же…

– А где Кузнецк есть? – спросил я, уже совсем на девчонкин манер построив фразу, сам того не заметив.

– На Большой остров, – пожала она плечами. – Где Железна Копь и Домна. Не ведаешь?

– Нет, не ведаю, – ответил я.

– Откуда вы тогда железо берете? – спросила она совсем удивленно.

– У нас там свой Кузнецк есть, только Новый, – ответил я.

Она лишь кивнула, удовлетворившись ответом. Затем вдруг сказала:

– Гиены ушли.

Я прислушался – верно, тихо снаружи, разве что птицы орут. Здорово орут, кстати, я такой гвалт только в Таиланде слышал. И не только птицы, похоже, но и обезьяны где-то скандалят.

– Ты – главная у нас, – польстил я ей. – Говори, что делать надо.

Она ролью «главной» не смутилась, сказала:

– Надо отец похоронить за обычай. Чтобы зверь не откопал. Думай, как сделать, в лес копать глубоко трудно, камень там.

– Ты эту пещеру как нашла? – спросил я ее.

– Это тайная пещера, – ответила Вера. – Ее отец знал. Здесь иногда товар прятали, а когда негры напали, он меня сюда тащил. Но он ранен был, здесь умер. Я больше день с ним сижу, боюсь выходить.

Говорила она об этом все тем же глухим голосом, за которым, если прислушаться, слышна была страшная боль.

– А почему не погнались за вами?

– Зачем им? – пожала она плечами. – Они людей убили, а товар взяли. Теперь другому купцу продадут. Сок от черна ягода – хороший товар, если бы негры знали, сколько за него на острова дают, год бы плакали за то, что такие глупые. А за отец гнаться опасно, он стрелял. И они на нас стреляли, отец ранили.

– Понятно, – кивнул я. – Выгляну наружу.

Вера лишь кивнула, а я, держа «винчестер» на изготовку, пошел к выходу, стараясь ступать как можно тише. Но все предосторожности были излишни – гиены ушли. От съеденной остались лишь разбросанные кости, обглоданные почти начисто, и клочки шерсти. С аппетитом схарчили, видать. Странно это, не слышал про такое никогда, чтобы хищники в стае каннибализмом занимались, в то время как у них жратвы море. Вон вороны и еще какие-то падальщики на дороге орут так, что оглохнуть можно: изобилие у них.

Огляделся. Духота ужасная, градусов сорок сейчас, наверное, и влажность зашкаливает – прямо как в парилку зашел. Все вокруг мокрое, волглое, под зеленой травой красная земля раскисает под подошвами. Если бы не трава, то на ботинок пудами бы налипало. Такие фокусы с грязью мы по другим местам знаем, проходили.

Зато камней много со скал осыпалось, просто грудами лежат. Порода какая-то слоистая, вот и сыплется. Можно отца Вериного прямо в пещере захоронить, если камней натаскать. Поработать хорошенько – и ни одна тварь не откопает. А я ему обязан все же. И спутницей, и винтовкой, да и просто жизнью. Надо платить по счетам – такие долги не годится делать, если себя человеком считаешь.

Все же прошел ближе к дороге, через заросли. Крался осторожно, боясь лишнюю ветку шелохнуть. На самой верхушке склона присел, замерев. Гиены совсем ушли, на трупах пировали птицы. Зато в таком количестве, что тел под их черными растрепанными тушами и видно не было. Орали, дрались, толкались, взлетали и садились. Над местом побоища их еще летало дикое множество, кружась воронкой, как чаинки в перемешанном чае. И какая-то здоровая серая ящерица рвала куски мяса прямо из брюха павшей в постромках лошади, засовывая туда голову чуть не до середины шеи, отчего ее голова была покрыта кровью как краской. Тьфу, мерзость какая.

Но вроде никто больше на нас нападать не собирается. И не надо. У меня и так мозги помялись, и вообще я ничего не понимаю. Понимаю, что попал куда-то не туда, а больше ни во что пока не въехал. Ладно, пойду с Верой пока пообщаюсь.

В пещере после духоты леса было студено, как в холодильнике. И темно – опять глаза отвыкли. Если бы не плошка масляная, которую Вера переставила, то точно бы башку расшиб окончательно о выступ на потолке – он как специально для меня здесь придуман был, чтобы расслабляться не давать. А так в

последнюю секунду увернулся все же.

Вера сидела на корточках рядом с накрытым плащом телом, копалась в сумках.

– Это от отец ранец, – сказала она, похлопав большую кожаную сумку по крышке. – Возьми себе, посмотри, что сгодится. Если меня охранишь в пути, отец не обидится.

– Надеюсь, – вздохнул я, придвигая к себе увесистый ранец.

В этом плохого нет, девочка права. Ранец, как и подвесная с подсумками, поражал серьезностью изготовления. То, что руками был сделан, бросалось в глаза – строчка не машинная, а кожу шилом прокалывали и дратвой сапожной сшивали. Края всего обшиты кожаной тесьмой дополнительно, все пряжки массивные, из литой латуни. Чтобы спина не потела, изнутри ранец был подбит какой-то шкурой с упругим кудрявым мехом.

Сбоку к нему прикреплены были широкие ножны из толстенной кожи, из которых высовывалась отполированная деревянная рукоятка. Я потянул, и в руках у меня оказался, тускло блеснув синей сталью, здоровенный и тяжелый, расширяющийся к концу на манер ятагана мачете. Или это ятаган и есть? Больно уж похож, да и выделка такая – не для простого инструмента… Или он и для зарослей, и для голов? Все может быть. Раскроить череп до шеи вмах можно такой штуковиной.

С другой стороны к ранцу был привязан гамак, обычный, веревочный, намотанный на две легкие бамбуковые палки. Снизу, свернутое в скатку, на ремнях было прикручено грубое шерстяное одеяло, оно же подстилка, как я понимаю. Это хорошо – понятно, на чем спать теперь. Гамак промеж деревьев, и одеялом накрыться.

Внутри рюкзак был разделен пополам перегородкой из толстой кожи. С левой стороны хранился сухой паек – вяленое мясо, какие-то батончики с орехами, пахнущие медом, сухари. Вода?

Я огляделся и увидел у стены пещеры две большие фляги с ремнями для ношения через плечо. Взял одну из них, потряс – наполовину пуста как минимум. Вторая же оказалась налитой под пробку. Заметив мои действия, Вера сказала:

– На сто шагов от это место родник есть. Перед дорога нальем.

– Понял.

Во втором отделении оказались какие-то кожаные футляры и жестяные коробки. Открыл футляр и обнаружил в нем пару десятков стреляных гильз. Ага, тут переснаряжают… Покатал гильзы на ладони, удивился, какая толстая латунь на них пошла. Некоторые из них, как бы даже не все, уже по несколько раз переснаряжались, судя по следам на дульце. Револьверные по калибру совпадали с винтовочными, но были покороче.

Нашлись две жестянки с порохом, приклепанные друг к другу. Порох был похож на кривовато и мелко нарубленную китайскую лапшу, только бурого цвета в одной банке и почти желтого в другой. Тоже кустарный, судя по всему, но хорошо, что хоть не дымарь. На одной банке «Р» выдавлена, а на второй – «В». Так… а пороха? у них разные для револьвера и карабина, получается. Это правильно, пистолетные пороха горят быстро – затем пуля в канале длинного винтовочного ствола тормозиться будет, – а винтовочные, наоборот, медленного горения. И скорость пули нарастает с ростом давления. По уму.

Потом нашлись две пулелейки на разные калибры, похожие на щипцы для орехов, каждая на две пули. На одной стояло клеймо «11 мм/В», на второй – «11 мм/Р». Ага, значит, для винтовки и револьвера… или «винчестера»? Ладно, потом разберусь. Нет, «Р» – для револьвера явно: пуля другая, покороче чуть-чуть. Понятно, калибр один, но пули разные, для карабина тяжелее, и навеска в карабин пойдет больше наверняка. Разумно. Но при желании в карабин можно револьверные патроны заряжать, насколько я понимаю. Ладно, проверю потом.

Имелись и брусочки свинца, явно с какой-то примесью – сурьмы, наверное, потому что он был твердый. Из всего найденного – вывод: пули тут принято лить самостоятельно. И коробочка капсюлей нашлась, непривычно крупных и не очень ровных, явно выбитых вручную из медного листа и вручную же оснащенных. Осталось только главное – навеску пороха узнать, и тогда я сам снаряжать смогу. Это вообще знать полезно, если беды не хочешь.

Однако и эта проблема оказалась несущественной: местным стрелкам не до манипуляций с весами было, так что нашлись и мерки для пороха – я их просто не заметил поначалу. Живем. Спасибо тебе, убитый купец.

Была книга в промасленном кожаном переплете, без названия, но с вытесненным на обложке белым крестом: Евангелие. Правда, толстая какая-то, на мой взгляд. Я бегло полистал и обнаружил, что язык нормальный, какой здесь принят, не церковнославянский никакой. А затем подумал, что почитать на досуге не помешает: что-то здесь у людей с религией пунктик имеется. Не накосячить бы между делом, по простоте и наивности.

– Здесь одежда, – сказала Вера, придвигая ко мне небольшой узел. – Свитер твой весь на кровь испачкан, и жарко. Тут рубаха есть, возьми. Отец высокий был, как ты, подойдет, наверное. Шорты чистые, шляпа. Он не надевал, это все в запас было. Ты почему без бороды?

– Что? – не понял я.

– Борода, – повторила она и даже изобразила что-то рукой у своего круглого подбородка. – Мужчина носит борода, как его создал Всевышний. А у тебя нет.

– У нас принято так ходить, – пожал я плечами. – Многие с бородой ходят, другие – без бороды.

Она посмотрела на меня с подозрением, явно пораженная таким легкомыслием. Видать, еще и про отсутствующий крест вспомнила.

Так и есть, угадал, даже смешно стало. Она наклонилась ко второму ранцу, поменьше, и вытащила оттуда скромный латунный крестик на веревочке.

– Надень, – сказала она. – Это мне в школе дали, когда закончила. Потом отдашь, когда себе новый купишь. Нельзя без крест. Проклятие тому, если кто украл у тебя.

При этом она ненавязчиво подтолкнула ко мне добротную соломенную шляпу со слегка висячими, неширокими полями, по форме напоминающую панаму. Я понял, что это она не просто так делает, а заодно вспомнилось мне, что в старом кино американском даже обедали люди в шляпах. И надпись, на одной синагоге виденная: «Граждане евреи, просьба посещать синагогу с покрытой головой». Не мудрствуя лукаво, я взял шляпу и надел, чуть сбив ее на затылок. Вера заметно успокоилась. Точно, есть какой-то косяк в том, чтобы без шляпы ходить.

– У нас принято шляпу снимать, если дама заходит в комнату, – сказал я. – А у вас?

– Снимать надо, – кивнула она. – Поклонись – и надень. А борода ты лучше вырасти, иначе люди плохим глазом смотреть будут.

– Это я уже понял, – кивнул я. – Все равно бритвы нет.

– Бритва у отец на ранец есть. И парикмахер брить может, – ответила она. – Если ты борода не любишь, можешь маленький носить, так многие делают, особенно молодые. Не всем большая борода нравится, и девушки не любят. – При этих словах она чуть застенчиво улыбнулась. – Тебе сколько лет?

– Тридцать пять, – ответил я. – А тебе?

– Мне пятнадцать. Ты посмотри, посмотри ранец, за отец это уже не нужно. А нам с тобой далеко идти.

Я не поленился, перебрал все, что было в ранце. Действительно много полезного нашлось, даже большая аптечка. Правда, что там внутри, я так и не понял, разве что бинты разглядел и какие-то жилки с иголками, наверняка для хирургии. А содержимое многочисленных крошечных флакончиков из толстого стекла осталось для меня загадкой. Впрочем, Вера меня сразу успокоила – сказала, что знает, что в каком хранится. Ну и хорошо. Нашелся еще набор инструмента в кожаном футляре и другие полезные мелочи. Вера терпеливо дожидалась, когда я закончу, после чего спросила:

– Как хоронить будем?

Я рассказал ей, что мне придумалось. Она кивнула, после чего сказала:

– Здесь рядом маленькая пещера есть, прямо для могила. Там похороним. А в этой еще ночевать сможем.

Это правильно: по солнцу глядя, уже к полудню, пока камней натаскаем, да по такому зною и духоте, так и день пройдет. И чего ждать? К делу.

Присел рядом с покойным, откинул плащ с него. Молодой, меньше сорока ему было. Борода короткая, лицо приятное, дочь на него похожа. Глаза закрыты, выражение спокойное. В груди дыра от пули, рубаха такая же, как та, что Вера отдала мне, кровью пропиталась. На боку кобура из тисненой кожи, из нее изогнутая рукоять револьвера торчит. На другом боку нож в ножнах. Значит, по обычаю, с оружием хоронят? А что, и верно, если боец.

Тело закоченело, и завернуть его в плащ оказалось трудно, но Вера помогла. Справились. Хоть и не гроб, но прикрыли человека достойно. В чем камни таскать? Тут вспомнились мне распоротые мешки, без счета валяющиеся на дороге. Схожу.

Расслабляться не стал и, прежде чем спуститься вниз, в облако трупной вони, минут пять следил из кустов, но никаких гиен или неизвестных мне «негров» не обнаружил. Скользя ботинками, спустился по склону прямо к перевернутому фургону, засел за ним, выглядывая. Единственное, чего добился, – это того, что мухи взлетели с трупов облаком и вороны и закружили вверху, стараясь переорать друг друга и нагадить на меня.

К счастью, мешки выпотрошили и до меня, зачем – не знаю. Осталось только схватить два больших дерюжных и броситься по дороге наутек, а то дышать становилось уже трудно. Заодно и выяснил, как гиены добежали до пещеры: склон оврага метров через сто становился уже пологим. По уму засаду устроили обозу – там ему вообще деваться некуда было.

Затем мы таскали камни, руками набрасывая их в мешки. Таскали к маленькой пещерке, скорее даже к расщелине между смыкающимися сверху камнями, и там высыпали. Вскоре Вера из сил выбилась, и я усадил ее караулить, продолжив работу сам. Таскал мешок за мешком, пока оба не прорвались и гора щебня у пещеры не выросла чуть ли не мне до пояса.

Закапывали мертвого купца долго, тщательно, так, чтобы никакая тварь не добралась. Оставшееся место между камнями забили колючим кустарником, нарубив его впрок. Затем Вера прочитала над покойным молитву, а я шляпу снял. На том церемония и закончилась. Стрелять в воздух побоялись.

С похоронами мы закончили к вечеру, часам к семи. До того державшаяся Вера расплакалась и осталась сидеть у заваленной камнями крошечной пещерки,

подняв колени и уронив голову на руки. Я не стал ей мешать, но и бросать одну побоялся, поэтому вскарабкался на камень поблизости, откуда за ней и присматривал. Вновь к закату разорались птицы, сумерки становились все гуще и гуще. При этом я отметил, что очень уж они здесь длинные. Для тропиков это нетипично – там ночь как занавес в кинотеатре падает, почти сразу.

Когда наступила уже полная темнота, я осторожно взял девочку под руку и отвел в пещеру, куда успел натаскать валежника и где мы хоть и не без труда из-за влажности, но развели небольшой дымный костерок.

Потом мне удалось ее немного разговорить. Странности ее речи уже переставали удивлять, да и я учился подражать ей прямо на ходу – ничего сложного в этом не было. Был это обычный русский язык, только упрощенный какой-то, на манер английского подчас: «кто он есть?» – и так далее. А иногда на болгарский похож. Так что можно смело рассказывать без «поправок на ветер».

Где я оказался – загадкой так и оставалось, и я решил эту тему слишком не форсировать. Потом разберусь, раз уж мы вдвоем к цивилизации двинем. Там все куда понятней станет.

Плюнув на стеснение, надел одежду, оставшуюся от покойного, – рубаху из толстого и плотного полотна, с костяными пуговицами и накладными карманами с клапанами на груди, и длинные, ниже колена, прочные шорты из парусины, на широких полотняных помочах, тоже со всех сторон в карманах. Странный стиль – какая-то смесь британского колониального и американского фермерского, да и от современного мне что-то имеется, хотя бы длина и изобилие разных карманов. Нашелся в одежде свитер грубой вязки из некрашеной шерсти, парусиновая куртка с капюшоном вроде штормовки, кажется, даже прорезиненная, и три пары классических «семейных» трусов из простенького ситца, только при этом еще и ярко-красного цвета. Ну и носков вязаных стопка.

Ботинок запасных у покойного не было, но тут и мои по виду вполне подходили, из рыжего нубука. Я ведь как раз для дачи и леса одевался, когда из дома бежал.

Свои загвазданные кровью джинсы и свитер я снял, затолкал в узел с одеждой, который прикрепил к ранцу. В шортах и новой рубахе, заправленной в них, оказалось неожиданно удобно, а подвесная с подсумками ловко устроилась на

плечах с подстежкой – так все продумано. Шляпу тоже не забыл и старался теперь вообще не снимать, чтобы привыкнуть. Хорошо, что соломенная: хоть воздух через нее проходит.

По ходу дела еще днем, когда рубил колючие кусты, дополнительно пару таких сюда притащил. И теперь затолкал их в проход вместе с тем, который был раньше, стараясь сделать так, чтобы без труда и шума их уже не вытащить было и через них не перебраться. Пробкой встали. Думаю, что с ней и караул будет не нужен: все равно без шума не одолеть. Если только люди не нагрянут, конечно, – те самые негры, например. Но у меня к вечеру голова совсем плоха стала, болела так, словно в ней кто-то с отбойным молотком развлекался, поэтому я решил рискнуть и спать до утра. Тут падали много поблизости – не думаю, что кто-то с военным походом пойдет: опасно. Или мне просто так кажется. Но плевать, пусть хоть убивают, нет мочи терпеть.

В общем, так и легли спать, укрывшись одеялами. И проспали как раз до самого рассвета.

* * *

Разбудил меня отчаянный птичий гомон – такой, что в ушах зазвенело. Осторожно прокрался к выходу, выглянул и ничего подозрительного не обнаружил, разве что на останках гиены пировала огромная толпа рыжих муравьев, объев кости практически наголо: даже хрящей на них не осталось. Что значит джунгли – утилизация ускорена до предела. Круговорот материи в природе осуществился прямо на глазах. Осталось только муравьев птицам склевать и в виде помета выкинуть, чтобы травка росла, значит.

Вера тоже зашевелилась, откинув одеяло, посмотрела на меня сонно. Затем спросила:

– Пойдем теперь?

– Теперь пойдем, – кивнул я.

– Как голова твоя?

– Нормально, ничего страшного.

Голова болела неслабо, но болела именно в месте ушиба, сама рана болела. А сотрясение вроде как никакими симптомами меня сегодня не дарило. Ни тошноты не было, ни в глазах не двоилось. Правда, отчаянно щипало ладони, изрезанные вчера о траву и кустарник, но это было терпимо.

– Ты говорила, что родник есть? – уточнил я.

– Верно, есть, – сказала девочка, откидывая одеяло. – Сейчас соберемся и туда пойдем. Умыться хочется.

Она выглядела вполне деловой и готовой к походу. Вчерашние похороны состоялись – и во вчера остались. Черствость? Сомневаюсь. Что-то мне подсказывает, что тут мораль совсем другая. В тех местах, где негры обозы купеческие грабят и это рассматривается как стандартный риск, вероятность погибнуть куда выше, чем у нас в Москве. Ну если только не лезть куда не надо, как я в свое время. Но это уже добровольный выбор. Мы всегда делаем свой выбор и за его последствия отвечаем. А у Веры, как мне кажется, особого выбора нет – другие у нее места и времена, и где смерть – обыденность, там и отношение соответственное. Живые должны жить, чтобы просто идти вперед. Что мы сейчас и сделаем.

Я хотел помочь ей собрать вещи, но она отрицательно покачала головой и почти мгновенно упаковала свой рюкзак – на тот же манер, каким был собран мой. Я заметил, что у нее и мачете имеется, но поменьше и полегче, не как у меня. Или это ятаган?

– Как это у вас называется? – спросил я, показав на нож.

– Мачете, – просто ответила она. – У вас есть такие?

– У нас рубить ими нечего, – усмехнулся я.

– Странно, – удивилась она, – а биться?

– Биться и другие способы есть.

Ответ ее удовлетворил, и она замолчала, сосредоточенно подгоняя на себе ремешки снаряжения.

Ну вот, так я и думал: такое лезвие не может быть только для лиан. Тут и конец заостренный, ткни кого – и проткнешь насквозь, да и изгиб такой… наводит на мысли. Я вновь вытащил лезвие из ножен, прикинул в руке… да. Неплохо. Даже я, никогда в жизни никаким фехтованием не занимавшийся, смогу такой штукой так рубануть, что мало точно не покажется. Покрутил да и закинул его на место.

– Алексей, – окликнула меня она.

– Ась?

Она протянула мне маленький парусиновый кисет, оказавшийся заметно увесистым. Я открыл его, заглянул внутрь и обнаружил там горстку монет.

– Это что? – не понял я.

– Столько купцы платят хорошему охраннику, – сказала она серьезно. – За поездку с обозом и за охрану самих себя. Здесь три червонца, из которых один серебром. Ты взялся меня охранять до Новой Фактории, и это оплата.

– Не надо, – сказал я, пытаясь отдать кисет обратно. – Я все равно с тобой иду, и вот это все ты мне дала.

Я похлопал свободной рукой по дереву приклада.

– Все равно возьми, – сказала девочка. – Придем в город, тебе плохо будет совсем без денег. Это честная плата. Отец бы заплатил, и я заплачу, в этом нет дурного. А ружье и остальное… Лучше было бы, чтобы здесь осталось?

– Наверное, не лучше… – ответил я, убирая кисет в карман. – Ну спасибо. Впервые у меня наниматель такой молодой.

– А кем ты раньше был?

– Раньше? – усмехнулся я. – Был в солдатах. Был в охранниках.

– Солдатах? – не поняла она сначала, но затем закивала: – Слышала о солдатах, они в Кузнецке есть. А в охранниках у кого?

– А у тех, кто просил и платил, – ответил я. – Мы вроде как по найму были. Сначала сам охранял, потом другими командовал.

И тут не соврал. Разве что ЧОП наш как «охранная фирма» работал меньше всего – скорее, другими делами занимались. Но ей это знать необязательно.

– Ну видишь? – улыбнулась она. – Нас сам Всевышний свел в этом месте. Меня охранять надо, я девушка и одна. А ты вот – воин и охранник. И от отца ружье осталось как специально. Ты в судьбу веришь?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Пожалуй, что верю. Наверное, без судьбы не обошлось.

Тут не только без судьбы, тут черт знает без чего не обошлось на самом деле, иначе как я здесь оказался? Но будем считать, что судьба тоже руку приложила, а не судьба – так удача. А если бы не вышла Вера из пещеры посмотреть? Съели бы меня гиены, да и все. Или в другом месте меня бы выкинуло. Откуда выкинуло-то, кстати? А я и не знаю. Но выкинуло удачно, спорить не стану. Густой населенностью эти края тоже не поражают, как мне кажется, мог где-то посреди леса оказаться, да там и пропасть. И даже такая вещь: судьба, лишив меня того оружия, которое было с собой, как-то сразу одарила новым, словно взамен. Не странно ли?

– Пошли? – спросил я ее, делая шаг к выходу из пещеры.

– Пошли, – кивнула Вера, шагнув следом.

Утро в джунглях не было еще жарким, но было уже душным, как в остывшей за ночь бане. Резкий запах свежей зелени, прелой листвы и каких-то ярко-оранжевых цветов, которыми были усеяны вьющиеся над входом в пещеру лианы, – все смешалось и било по обонянию как молотом. Птицы орали, уже сверчали какие-то насекомые, а кости гиены были обожраны муравьями окончательно и красовались из травы невероятной белизной и чистотой. И даже трупного запаха почти не было – нечему было вонять. И муравьи почти исчезли.

Интересно, до дороги, где куча падали, они себе трассу проложат?

– Туда, – показала Вера на скалу, перекрывавшую вид. – Обойдем – и там родник будет.

Так и оказалось: мы не больше ста метров прошли. Правда, вымокли за это время в росе по колено. Не зря обозники эту пещеру приметили: вода совсем рядом – великое благо для устройства лагеря. Но воду я сначала услышал, потому что перед глазами стояла сплошная стена зелени, и откуда-то из-за нее доносился плеск.

Вера ловко выдернула из-за плеча мачете и его острием аккуратно раздвинула лианы. Я отметил про себя осторожность ее движения. И подумал, что это не зря, наверное. Пусть я в джунглях был всего полдня и туристом, но то, что в них полно всякой вредной живности, я запомнил. А почему бы здесь, в лианах, змеям не быть или паукам каким ядовитым? Ох, учиться мне теперь и учиться.

Кстати, надо будет посохи срубить. Дорога нас ждет дальняя, а заодно и пешая, – лишними не будут. А от змеи длинная палка так и вовсе лучше некуда.

– Вера, а змеи здесь есть? – спросил я, вынимая свой мачете и аккуратно пробираясь мимо висящих веревок лиан.

– Конечно, много змей есть, – кивнула она. – В траве аккуратно надо, и вообще в заросли не лезть.

За завесой лиан нашему взору открылся вид на меленький водопад, срывавшийся с десятиметровой примерно высоты. Скалы, что лежали перед нами и в которых была пещера, где мы прятались, по всему видать, были краем какого-то плато. И по этому плато тек ручей, срывавшийся здесь в чашу метров пятнадцати в поперечнике, потерянную среди джунглей.

– Видишь как? – спросила она, явно гордясь собой, словно она сама тут все организовала. – И вода здесь чистая, с гор течет, пить не страшно. В лесу такого нет, почти все речки – зараза.

– Здорово, – согласился я, снимая с плеча большую флягу на ремне. – Наполним?

– Давай, – сказала Вера, повторяя мой жест. – Потом помыться мне надо.

– Помыться никогда не грех, – согласился я с ней.

И про себя добавил, что в походе так и вдвойне. И потеет человек, и грязь собирает, и спит в одежде. Не найдешь способа мыться или протираться чем-нибудь регулярно – гнить начнешь.

Когда до мытья дело дошло, я немного удивился – Вера начала раздеваться у меня на глазах и, только почти уже оголившись, все же попросила отвернуться. Не то чтобы я о чем предосудительном – ребенок она еще, и мыслей таких не было, – а я о том, что не очень это с набожностью сочетается. На мой взгляд, по крайней мере. Мне всегда казалось, что если где очень много веры, то там и много всяких «нельзя». И девчонке-малолетке заголяться перед мужиком нельзя вдвойне.

Ну да ладно, мне так и проще, наверное, если нравы свободные, а то лишь накосячу больше в будущем. Я себя знаю, равно как и простоту свою, неуместную подчас.

Девчонка плескалась у меня за спиной, повизгивая от холодной воды, причем, надо ей должное отдать, долго плескалась. Лишь минут через десять зашлепали мокрые ноги по камню, и дрожащий голос сквозь стук зубов проговорил, с трудом выталкивая слова:

– Х-х-хол-л-лод-дно-о…

– Ну а чего ты хотела? – даже удивился я. – Родник. Можно поворачиваться?

– Ага…

Я обернулся, глянул на нее и даже засмеялся. Губы у Веры были синие, дрожащие, зубы стучали так, что я отсюда слышал, мокрые волосы прилипли к лицу, а сама она завернулась в одеяло, стараясь согреться.

– Осторожней надо, – прокомментировал я то, что увидел. – Ладно, теперь ты отворачивайся и меня охраняй.

Затем я сам смог оценить, насколько она не соврала: вода была ледяной. Даже не верится, что ее температура ниже ноля и быть не может, – эта была как жидкий азот. Но тоже отмылся, так тщательно, как только смог. Вспомнил вчерашнюю парилку в полдень, представил, как мы пойдем по ней и будем идти целый день, и сразу обрадовался холоду.

Еще заметил, что прямо под ногами, меж камней, металось множество рыбы, напоминавшей некрупную форель на первый взгляд. Надо же. Тут рыбалка классная должна быть, наверное, с голоду не загнешься. А эту хоть вообще руками лови. Я попытался, но ни черта не поймал, после чего заключил, что это мне просто не надо было, вроде как поддавался я.

Когда у меня зуб на зуб тоже не попадал от холода, я выбрался на камни и вытащил из ранца полотенце. Простое такое вафельное полотенце. Какое я по армии помнил, только еще и большое. Разве что… рубчики вроде как чаще расположены, чем в моем военном. И края подшиты толстой красной ниткой, чего у нас отродясь не делали: только в тон.

Посох вырубить не удалось – не присмотрел ни одной более или менее прямой лесины, все какое-то изогнутое вроде тех лиан. Нашел было палку, примерно вписывавшуюся в мои представления о требуемой форме, но выбросил сразу – она от влаги была весом как лом, и кора под пальцами просто в слизь разъезжалась. И руку после нее хоть заново мой. Не выйдет, видать, посохом обзавестись.

– Ну теперь говори, в какую сторону Торг, а в какую – Новая Фактория, – спросил я.

– Солнце слева держи – и тогда в Факторию попадем, – ответила Вера.

– Пошли, чего ждать, – кивнул я и двинул к дороге.

На саму дорогу лезть не хотелось, но природа другого выхода не оставила. Едва колея вынырнула из оврага, джунгли стиснули ее с двух сторон так плотно, что и шага в сторону было не сделать. А идти через них – так мачете намашешься до полной одури. Поэтому пришлось топать по колее, лишь избегая грязи и норовя выбирать места с травой. Свежих следов не было, да и старые давно поистерлись. Колея и колея.

– Вера, а что, нечасто здесь люди ездят?

– А откуда часту быть? – удивилась она. – Тут с племенами только отец торговал да еще несколько купцов. И далеко, и опасно. Да и Племя Горы совсем опасным стало. Они с турецкими работорговцами торг ведут, те им ружья на рабов меняют.

– Они на вас напали? – уточнил я, догадавшись.

– Они, – подтвердила Вера. – Я лица видела, не ошибусь.

Как в этих краях лица подтверждают племенную принадлежность, я уточнять не стал, чтобы не укреплять своей репутации слабоумного, но решил, что для всех это очевидно. Кольца в носу какие-нибудь специальные или там еще чего. Расовые и племенные признаки, например. Не спутаешь же в Африке бушмена с зулусом, ну и здесь так, возможно.

Шагала Вера, кстати, широко – явно была привычна к дальним походам, – так что через час пути я перестал беспокоиться, что девочка начнет уставать. Она как бы меня самого не переходила. Вперед не лезла, говорила тихо, по сторонам смотрела внимательно, в общем, ко всему привычного человека в ней видно было, даром что молодая совсем. Это хорошо, это в наши времена и в наших краях такие подростки все больше вывелись, они все больше за «Плейстейшн» время проводят. Как говорил один мой знакомый отставной полковник: «…вошку по стене гоняют», – подразумевая при этом своих двух племянников.

Солнце поднималось все выше, а вместе с ним поднималась и температура. Похоже, в местной бане опять печку включили. Птицы чуть стихли, потому как период основного концерта у них на рассвет с закатом приходится, насколько я заметил, а вот животных хватало. Несколько раз я замечал каких-то бурых зверей, размером и формой напоминавших барсука, копавшихся в траве или ломившихся через заросли, затем нам дорогу пересек целый выводок вполне обычного вида диких кабанов. На нас они внимания не обратили, но Вера заметно испугалась. Да и я струхнул, вспомнив, чем чреваты такие встречи в наших краях, если кабаны не в настроении, например. Поэтому, пока они в зарослях не исчезли и шум не стих, мы даже не шевелились.

Затем, ближе уже к полудню, когда начали размышлять о привале, я обратил внимание на необычный след – как будто по две пятерни с когтями прошли с двух сторон от волочащегося по грязи бревна.

– Кто это? – спросил я.

– Болотный ящер, похоже, – ответила Вера, настороженно оглядываясь. – Тут река близко быть должна, там их много.

– Крокодил? – уточнил я.

– Можно крокодил сказать, – кивнула Вера. – Но крокодил другой, крокодилов здесь нет. Ящер болотный. Не видел?

– Может, и видел, да по-другому называл, – уклончиво ответил я.

– А верно, бывает так, – согласилась девочка. – Пойдем дальше?

– Пошли.

Часто в траве замечал змей, а один раз увидел длинную, но тонкую змею, по цвету от местной зелени неотличимую, почти что в метре от меня. Она свисала с ветви дерева среди путаницы лиан, и заметил я ее каким-то чудом.

– Это кто? – спросил я, чуть отступив назад.

– Лианный аспид, – сказала Вера и ловким ударом мачете располовинила висящего гада.

Отрубленная половина с головой упала на землю, и Вера, ни секунды не усомнившись, наступила тяжелым ботинком на хрупкую голову.

– Ядовитая?

– Еще какая! – подтвердила девочка. – И нападает часто. Их не видно – люди близко подходят, а она и жалит. У отца в прошлом походе от такой змеи матрос

погиб. Как ни старались, а не спасли – прямо в шею ужалила.

– Понятно, – кивнул я. – Запомню. А удавы есть?

– Удавы есть, – сразу ответила она, не запнувшись на слове. – Но они на людей редко нападают, только самые большие.

Место для привала мы нашли минут через пятнадцать после встречи с лианным аспидом. В джунглях вновь начали проглядывать скалы, и когда я увидел кучку крупных и достаточно плоских камней, то предложил остановиться там. И не сыро, и всяких гадов меньше опасаешься, и появятся те самые негры – так и убежище будет.

Выбор я сделал правильный. На нагретых камнях сидеть было удобно, а когда я пригляделся к тому, сколько всяких насекомых ползает в траве, то стало еще удобней. И я похвалил себя еще раз за догадливость. Недостатком места можно было считать лишь то, что наше появление спугнуло пестро-серую змею, гревшуюся на солнце. И она нырнула в расщелину совсем неподалеку от того места, где мы отдыхали. Со слов Веры выходило, что змея эта, «серая гадюка», была тоже полна яда под самую завязку, аж через край. Но девочка отнеслась к присутствию змеюки спокойно, ну и я не стал паниковать – не к лицу такому защитнику, как я.

Минут тридцать мы отдыхали, сняв ботинки и разложив мокрые носки на горячих камнях. Не то чтобы очень помогло – влажность ничему полноценно сохнуть не давала. Я даже за «винчестер» беспокоиться начал: как бы он ржавчиной не пошел. Не верится мне, что эта сталь не ржавеет, недаром он смазан так всерьез. Осмотрел винтовку внимательно, но пока никаких признаков коррозии не обнаружил. Даже дерево под таким слоем лака набрать влажности не сможет, скорее всего. Но в любом случае – как дойдем до места, так и устрою большую чистку.

Затем мы пошли дальше. Всю дорогу меня грызло беспокойство по поводу того, что лес-то велик, да вот дорога в нем одна, получается. И если есть риск кого-то встретить, то именно здесь, на ней. Со слов Веры выходило, что купцы толком не знали, где именно обитает это самое Племя Горы. Вроде где-то восточней дороги, но где именно – неизвестно. Дела они вели с какими-то другими купцами, приезжающими не пойми откуда, а больше ни с кем и не знались вроде

как. Поэтому шел я сторожко, перед крутыми изгибами дороги замирал, прислушивался, хоть и без особого успеха из-за птиц, а затем крался вперед, чтобы обнаружить неприятности первым, случись такие.

Но ничего не случалось, и в какой-то момент я даже подумал, что слишком осторожничаю. Если здесь всего одно племя злодеев и вчера оно устроило удачный набег, то сегодня должно сидеть у себя дома, водку жрать и добычу делить. Не патрулируют же они дорогу!

Неприятности возникли неожиданно – сначала в виде глухого стука копыт по влажной земле, набегающего откуда-то сзади, а затем крика Веры:

– Негры!

Не мудрствуя лукаво, я просто отшвырнул девочку к зарослям, перехватывая карабин и вскидывая его в сторону звука. И когда из-за поворота дороги, который мы только что прошли, вылетели три скачущие во весь опор лошади, несущие всадников, я размышлять о том, кто они такие и чего хотят, не стал – не мои проблемы, предупреждать надо. Прицелился в первого, размахивавшего чем-то над головой – арканом, что ли, – большим пальцем взвел курок, нажал на ставший неожиданно коротким и легким спуск. Грохнул выстрел, и всадник вылетел из седла, кувырнувшись. Рычаг вниз-вверх, второй выстрел, во второго, пытающегося пригнуться за шеей лошади. Ему в бок угодило – раз, затем второй.

Опять крик, тело грузно свалилось с седла в вязкую грязь и потащилось следом за рванувшей вперед лошадью, а за ним волочилась длинная веревка с какими-то шарами на концах. Третий сообразил, что напоролся на проблемы и что остановиться и развернуться для бегства он уже не успевает, поэтому наотмашь хлестнул лошадь плетью, так, что она аж взвизгнула, а затем рванула вперед, толкнувшись двумя ногами. Но я уже успел выбросить гильзу, перезарядив винтовку.

К своему большому удивлению, первой пулей я не попал, хоть до цели было всего метров десять. Дважды хлопнул револьвер Веры, человек в седле дернулся, свесился направо, и я, уже прицелившись тщательно, выстрелил во второй раз, целясь в перекрестье каких-то ремней на голой смуглой спине. И на этот раз не промахнулся. Он еще дернулся, а затем перегнулся вперед, через

луку седла, и свалился на дорогу, запутавшись рукой в поводьях, натянув их и остановив погнавшую было лошадь.

– Коней, коней держи! – крикнула Вера, пробежав мимо меня и оттолкнув так, что я чуть не свалился в рыжую дорожную грязь.

– Стой, девка! – заорал я, видя, что она несется к вожделенной гнедой лошади, даже не глядя на валяющегося на земле человека, который вовсе не был мертв, а уже приподнимался на локте.

– Лежать! – рявкнул я и выстрелил ему в грудь.

Опять грохнуло, того откинуло ударом, из руки выпал длинный нож, а испуганная выстрелом из-за спины девочка с визгом отскочила в сторону, споткнулась и растянулась на дороге. Однако времени на обиды терять не стала, а, перекатившись, вскочила на ноги и, не обращая на меня ни малейшего внимания, вновь понеслась вперед. И через пару секунд уже сидела в седле, а еще через минуту вела уже за собой в поводу двух других лошадей, улыбающаяся и гордая собой и совсем ни капли не шокированная развернувшейся перед ней бойней.

А я стоял над одним из убитых, перекатывая в ладони подобранные пустые гильзы и задумчиво его разглядывая.

– Это негр? – спросил я Веру, так и не спускавшуюся с седла.

– Негр, не видишь разве?

В ее голосе явственно слышалось недоумение моей непонятливостью. Нет, я понимаю, что я ничего не понимаю, но… в этом самом моем понимании на негра, черного и губастого, похож был больше я, чем убитый молодой мужик, лежащий передо мной в грязи. Худощавый, мускулистый, он весь был покрыт татуировкой в виде переплетающихся орнаментов, даже лицо, а на лбу у него было выколото нечто, напоминающее три разновеликих треугольника, сомкнувшихся краями. Еще он был смугл потому, что загорел почти до черноты, что немудрено на таком солнце, но в остальном… В общем, волосы у меня были даже темнее, потому что его русые космы, заплетенные в многочисленные косички, выцвели на солнце, да и в небо он смотрел раскрытыми и остекленевшими голубыми

глазами. И если к чертам лица присмотреться, то Ванька Ванькой получается, Рязань косопузая.

Другое дело, что этот «Ванька» одет был в портки с чужой задницы, которая размера так на три больше была, чем у него, да и подпоясан веревкой. Я глянул на другого, одетого не только в портки, но и рваную рубашку, которая тоже не выглядела так, словно ее на него шили, к тому же одного рукава у нее не хватало примерно наполовину.

На третьем же было что-то вроде набедренной повязки, сделанной из мешковины, причем мешковины настоящей – на ней сохранились трафаретные буквы от какой-то надписи. Обуты все трое были в некое подобие мокасин из толстой, плохо выделанной кожи. В общем, вопрос «дикарства» в данном случае даже не возникал. Но другие вопросы оставались.

– Вера, ты прости… у нас негры по-другому выглядят, – сказал я. – А почему вы этих неграми называете?

– А как их еще называть? – удивилась девочка. – Они же негры.

Видать, я совсем чушь пороть буду, но прояснить ситуацию я намерен. И проясню.

– Негр – это черный, – сказал я. – Черного цвета.

– Верно! – вдруг обрадовалась Вера. – Господь в бесконечной мудрости своей дал нам облик по образу и подобию своему. И Господь есть Свет, и слава его освещает земли наши. Так?

– Ну… так, – в целом согласился я.

– И свет славы Господа есть цвет белый, он же цвет чистоты. На языке франков – «бланко», так?

– Ну… если на «языке франков», то так, – подтвердил я, удивляясь такому названию для испанцев – «франки».

– А если кто по дикости и злобе своей отвергает образ, Господом ему данный, и оскверняет лицо, повторяющее лик его, может ли он быть чист?

– Ну… нет? – попробовал угадать я.

– Верно! – торжествующе ответила девочка, воздев руку как проповедник. – Отвергший образ Господень нечист, а нечистоту означает цвет черный, на языке франков как?

– «Негро»?

– Ха! – указала она на меня пальцем. – Сам все знаешь, а придуриваешься. Поэтому и негры.

– Понятно, – кивнул я. – А у нас таких просто дикими зовут. Или дикарями.

– А эти из негров самые плохие, – добавила девочка. – Они охотятся на других негров и продают их торговцам. И нападают на купцов.

– А на нас зачем кинулись? – уточнил я.

– Они не думали, что ты так быстро стреляешь, – ответила она. – Наверное, хотели поймать, а потом продать. Видишь боло? – Она указала пальцем на измазанный в грязи ловчий инструмент, так и тянущийся из руки убитого. – Ты большой, сильный, а я… девочки всегда дорого стоят на рынках у турок. Тем более такие…

Она гордо покрутила в пальцах свою светлую косичку.

– Хорошо, – кивнул я. – Вот у этого ружье. У того я револьвер вижу. И сумки у них чересседельные, надо пошариться.

Обыск прошел быстро. Оказалась у негров длинноствольная однозарядная винтовка с рычажным затвором, под патрон, здорово напоминающий наш старинный для берданки, а сама винтовка напоминала формой известные в свое время винтовки Балларда. К винтовке нашлось с десяток патронов, и я не удержался, раскачав, выдернул массивную свинцовую пулю из одного, высыпал

порох на ладонь – дымарь, черный порох. Остальные патроны вместе с опустевшей гильзой ссыпал в сумку – винтовка выглядела вполне новой, и я решил, что она чего-нибудь да стоит. По ходу осмотра заметил, правда, что, словно в подражание цитате из Писания на прикладе моего «винчестера», на прикладе трофейной винтовки было что-то выжжено арабской вязью. Интересно.

У второго негра был плохонький, весь разболтанный револьвер «переломного» типа, смахивающий на старинный «смит-и-вессон» второй модели, всего с пятью патронами в барабане, которые я высыпал на ладонь и отдал Вере. Оказались такого же калибра, вот и пригодятся. У третьего было что-то вроде казачьей шашки из плохого железа и клеенный из разных сортов древесины лук за спиной, с запасом стрел. Я показал его Вере, но та лишь пожала плечами, и оружие Чингачгука полетело в кусты, предварительно разрубленное пополам ударом мачете. Такому мы не учены, не умеем.

Из «орудий захвата» у двоих были боло, а у последнего – свернутый аркан у седла.

– Верхами мы быстро доберемся, – радовалась Вера. – Бери вот этого, серого, он как раз по тебе, самый крепкий.

Я посмотрел на не слишком высокого лохматого серого конька, напомнившего мне статями монгольских лошадей, и понял, что теперь надо будет сознаться в постыдном. Я понятия не имел, как на него садиться, как на нем держаться, и как заставлять или уговаривать его ехать, и как заводить. Все. Момент истины.

– Этого, говоришь? – вдруг крепко задумался я. – М-да.

Вера помолчала, глядя мне в глаза, затем спросила:

– Откуда ты? И кто ты? У нас все умеют верхом. С детства.

– А у нас кони только на картинках, – честно ответил я.

* * *

Разговор у нас затянулся примерно на час. Как ни странно, сознание девочки, воспитанное на коктейле из Ветхого Завета с Новым, достаточно легко восприняло мое заявление, что я попал сюда не пойми откуда. Понятие «чудо» для нее не было чем-то отвлеченным, а «воля Божия» запросто мотивировала это явление, да еще придала некой значимости моему появлению в этом мире. А мое появление рядом с ней в трудный момент вообще было явным знаком того, что без «Десницы Господней» не обошлось, и таким образом он спас ее, послав к ней меня. И это в ее собственных глазах налагало на нее некие обязательства передо мной, против чего я и не возражал, – «проводник» мне нужен был категорически, без всяких сомнений, потому что для начала мне неплохо было бы хоть какой-то целью обзавестись в этом мире. И «помочь девочке-сироте попасть к своим» в качестве первой цели звучало очень неплохо. А потом… потом видно будет, так хоть первый шаг спланирую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/andrey-kruz/veter-nad-ostrovami

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити